

Въ эти годы во французской литературѣ поднимается рядъ жгучихъ вопросовъ и слышатся новые голоса, вѣщающіе о томъ, что помимо *фактовъ и документовъ* существуетъ вѣдь и внутренняя жизнь, мораль, совѣсть... И здѣсь мятущимся душамъ приходитъ на помощь то, что дала Россія — Достоевскій, Толстой... проповѣдуемая ими религія милосердія, особая теорія—теорія прощенія!

Въ это-же время раздается протестъ Брюнетьера противъ золаизма, и начинается колебаться вѣра въ его теоріи.

Подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Толстого кадры воспитанниковъ и поклонниковъ Зола начинаютъ замѣтно рѣдѣть. Наиболѣе видные изъ нихъ, писатели съ рѣзко выраженнымъ индивидуализмомъ—Эдуардъ Родъ и Поль Маргеритъ признаютъ банкротство литературныхъ доктринъ учителя и все болѣе преклоняются передъ *идеалистическимъ реализмомъ* Толстого; вслѣдъ за ними пошли братья Рони.

Но новыя теоріи обратили на себя вниманіе не только молодежи.. И писатели старой школы остановились въ недоумѣніи передъ тѣми идеями, которыя пересоздаютъ Европу и идутъ изъ Россіи...

Развѣ не остановился въ раздумьи передъ рядомъ новыхъ проблемъ авторъ „Нана“ и „Ассомуара“ подъ конецъ своей литературной карьеры; развѣ не начинается онъ новой серіи романовъ, объединяемыхъ общимъ заглавіемъ „Четыре евангелія“... развѣ въ послѣднихъ его произведеніяхъ не проскальзываетъ мысль, что одно научное міровоззрѣніе оказывается бессильнымъ передъ запросами духа? Не замѣчается ли какая-то растерянность у Зола, такъ долго и искусно распоряжавшагося цѣлыми томами человѣческихъ документовъ при помощи одного лишь экспериментальнаго метода? И послѣднія произведенія Зола не говорятъ ли о томъ, что у этого позитивиста поднимается роковой вопросъ: не иллюзорно ли было убѣжденіе въ конечной побѣдѣ его доктрины; вселиленъ ли онъ отвѣтить на то, что вѣчно вол-

---

1) J. Texte, Les relations littéraires de la France avec l'étranger (Petit de Julleville, Histoire de la littérature française des origines à 1900. T. VIII. XIV<sup>e</sup> siècle. Période contemporaine).